

1

Генри

— Вот черт... Ну что ж, покатаем шары.

Я сделал слайс¹.

Вроде так правильно? Слайс? Свинг? Хук? Нет, хук вроде из бокса... не уверен. Никогда не фанател от гольфа — слишком уж неспешная игра. Тихая. И чертовски скучная! Заниматься спортом я предпочитаю так же, как и трахаться — дико, громко, грязно.

Вот то ли дело футбол! Или рэгби. Полный физический контакт. Поло тоже в целом ничего.

Черт возьми, сейчас я б даже от игры в Квиддич не отказался.

— Простите, Ваше Высочество — что вы сказали? — спрашивает сэр Алоизий.

Передаю клюшку Майлзу, моему кедди², и быстро поворачиваюсь к людям, по милости которых подвергаюсь этой полуденной пытке.

---

¹ Слайс — термин из игры в гольф. Разновидность удара, во время которого мяч сначала вылетает прямо, но потом значительно отклоняется вправо — эти действия для игрока с правосторонней стойкой. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

² Кедди — термин из игры в гольф. Помощник игрока, в чьи обязанности в том числе входит и перенос спортивного инвентаря.

— Я сказал: «Шары».

Лорд Веллесвол — очень похоже на Вельзевула — граф Пеннингтонский, прикрывает сморщенной ладонью свою серую бороду и покашливает, смущенно отводя взгляд. Ах, ну да, мне ведь нельзя говорить двусмысленностей. Это так неуместно и грубо и совершенно точно — ниже достоинства принца, наследника престола Весско. Да, я теперь обладаю этим высоким титулом, потому что мой старший братец — вот ведь ублюдок — отрекся от престола и женился на своей чудесной американочке.

Весь этот последний год мне только и твердят: наследник должен вести себя подобающе.

Но я никогда не умел делать то, что мне велят. Такая вот проблемка.

А может, у меня просто такой инстинкт — мне говорят налево, я иду направо. Говорят сидеть — я прыгаю. А если велят: «Веди себя хорошо», я напиваюсь и прекрасно провожу выходные, трахая всех троих племянниц архиепископа.

Эти тройняшки, кстати, хороши. Интересно, чем они заняты в пятницу?

А, стоп, мне *не* интересно. Это ведь был старый Генри — веселый, беззаботный Генри, компания которого всем так нравилась.

Теперь я должен быть таким Генри, с которым никто не захочет тусоваться. Серьезным. Разумным. Достойным, даже если меня это бесит до смерти. Безупречное соответствие этикету — вот чего требует моя бабушка, королева. Того же ждут все члены Парламента, вроде Алоизия и Вельзевула. Это нужно моему народу. Все на

меня рассчитывают, все от меня зависят. Я должен вести их к прекрасному будущему. Быть хорошим. Быть...

...королем.

Господи, у меня живот сводит каждый раз, когда я произношу это слово даже мысленно. А когда кто-то произносит его вслух — тут бы не поперхнуться.

Ну что я могу сказать — если именно я должен стать Великой Королевской Надеждой своей страны, мы все круто попали.

— Прекрасно подмечено, принц Генри, — подхватывает сэр Алоизий. — А ведь и правда, то, насколько хорошо катится шар... в смысле, мяч, во многом зависит от его марки.

Он пытается исправить положение и порет фигню — ведь прекрасно же понимает, что я имел в виду. Но такая вся политика — все эти игрища, фальшивые улыбки и огромные ножи в спину.

Политику я ненавижу даже больше, чем гольф. Но теперь это моя жизнь.

Алоизий прищуривается, глядя на своего кедди.

— На следующей прогулке позаботься о том, чтобы у нас были приличные мячи, иначе я лично позабочусь о том, чтобы ты здесь больше не работал. Извинись перед принцем за свою некомпетентность.

Мальчишка бледнеет и низко кланяется мне.

— Прошу прощения, Ваше Высочество.

А у меня опять сводит живот.

Как Николас только мирился с этим все эти годы? Я думал, что он вечно все драматизирует. Что он просто нытик.

Теперь я оказался в его шкуре и понимаю. Реально дерьмово.

Вроде бы должно быть приятно — ну хоть немного, — когда все готовы угодить, разве что зад не облизывают. Но не когда тебя пытается ублажить целый клубок змей, шелкающих раздвоенными языками. Отвратительно.

— Не беспокойся, — говорю я парню, потому что у меня есть стойкое чувство: если я выкажу недовольство, Алоизий отыграется на нем.

Мы идем дальше, по грину¹. Кедди отстают.

— Что вы думаете о новом законопроекте, касающемся репатриации, Ваше Высочество? — будто между прочим спрашивает Вельзевул.

— Репарти... что? — не задумываясь, переспрашиваю я.

— Репатриация, — поясняет Алоизий. — Закон позволяет корпорациям, на которые были наложены санкции в связи с нарушениями трудовых условий, возвращать свои капиталы в Весско из-за рубежа без каких-либо штрафных санкций. Это позволит им открыть тысячи рабочих мест. Принятие законопроекта Парламентом откладывалось неделями. Признаться, я удивлен, что Ее Величество не упомянула об этом.

Вероятно, упоминала — и об этом, и еще о тысяче других фактов, цифр, законов, юридических норм, которые мне нужно было знать. Причем желательно —

---

¹ Грин — термин из игры в гольф. Участок поля для гольфа, где вокруг лунки растет самая короткая трава.

вчера. Я ведь не идиот — я могу соображать блестяще, когда сам того хочу. И в школе всегда учился на отлично.

Мне просто трудно интересоваться тем, что мне реально не интересно.

Раньше бабушка отсылала мне меморандумы и прочее по имейлу, но после того, как мы грохнули дворцовый сервер, она стала передавать мне распечатки. На все то количество бумаги, которое сейчас скопилось у меня в комнате в ожидании, пока прочитаю, наверное, ушел целый лес.

Эх, прости меня, природа-матушка.

Может, в политические игры я играю дерьмово, зато прикрыть свои недостатки или незнание по теме я умею мастерски. Умею делать счастливое лицо, когда надо. Притворяться, играть роль.

Я же буквально всю жизнь этим занимаюсь.

— Да, разумеется, репатриация. Мне показалось, вы сказали «репрезентация». Я как раз углубился в более детальное изучение этой темы, и я думаю, она будет очень мне близка.

При взгляде на их озадаченные лица я скрещиваю руки, чуть опускаю голову и торжественно объясняю:

— Помимо общепринятого значения этого термина, «ре-презентация» — это распространение брошенных домашних животных среди пожилых людей. Я направляю вам меморандум с описанием.

Лорд Веллесвол кивает.

— Как интересно, — соглашается сэра Алоизий.

— И правда.

Вот это, дамы и господа, я и называю «хоул-ин-уан»¹.

Алоизий берет свою клюшку и делает пробный взмах, прежде чем шагает к своему шару. Пока он готовится нанести удар, он спрашивает меня:

— А как насчет репатриации? Как полагаете, это значимое дело?

На этот раз, прежде чем говорить, я подумал. Бабушка бы так гордилась!

Через мгновение киваю.

— Больше возможностей для рабочего класса — это всегда хорошо. Да, думаю, это хорошая идея.

Вельзевул расплывается в улыбке. Его желтые зубы блестят в лучах скудного послеполуденного солнца.

— Замечательно.

* * *

— О чем ты только думал?

М-да, оказывается, бабушка не так уж мной и горда.

Она бросает «Воскресные ровости» на стол, позволяя заголовку высказать мне все, что она думает, вместо нее.

«КОРОНА ДАЕТ ОБРАТНЫЙ ХОД И ПОДДЕРЖИВАЕТ СПОРНУЮ РЕПАТРИАЦИЮ».

Сидя напротив королевы так, что ее внушительный рабочий стол разделяет нас, я указываю на газету:

— Я сказал вовсе не это.

---

¹ Хоул-ин-уан (*англ.* Hole-in-one) — термин из игры в гольф, «лунка за раз». Попадание в лунку с площадки одним ударом. Случается чрезвычайно редко.

Мог бы и догадаться, когда меня только вызвали сюда — что-то точно пойдет не так. В конце концов, вызов в кабинет королевы не так уж отличается от вызова в кабинет школьного директора — ничего хорошего из этого обычно не выходит.

Она хмуро смотрит на меня, и я замечаю, что морщинки вокруг ее рта стали четче, глубже. Да, вот так я влияю на людей.

— Мы не один месяц лоббировали отмену этого закона. Единственное, что мешало пройти голосованию, это наше решительное неодобрение. А теперь ты одним махом все разрушил. Столько трудов зря!

Чувствую, как кожа под костюмом начинает зудеть. Провожу ладонью по волосам, которые — как мне сказали — нужно постричь. Да, вот именно поэтому они выросли почти до плеч.

— Я ничего не разрушал! Это было простое замечание в ходе беседы.

Королева упирается ладонями в стол и подается вперед.

— Позвольте напомнить, что вы — наследный принц. Вы не можете позволить себе роскошь «простых замечаний в ходе беседы». Вы говорите от имени Дома Пембруков, и каждое ваше слово, каждое действие, каждый вздох могут быть вывернуты любым, кто сочтет это полезным. Генри, мы ведь уже не раз обсуждали это.

Когда-то я был бабушкиным любимчиком. У нас были особые отношения — ее всегда веселили мои истории и приключения. Но все пошло прахом, когда меня провозгласили ее преемником. Больше я ее не веселю.

Черт возьми, иногда вообще кажется, что я ей больше не нравлюсь.

— Ты даже не удосужился прочитать нашу позицию по этому поводу, не так ли? Я велела Кристоферу направить тебе меморандум несколько недель назад.

Кристофер — личный секретарь королевы, ее лакей. Подозреваю, что в свободное от работы время он ходит с кляпом-шариком, украшенным ее фотографией, во рту.

— У меня не было времени.

— Ты не удосужился *выделить* на это время.

Когда отговорки не прокатывают, лучшая защита — это нападение.

— Ты сама настояла, чтобы я поехал на эту дурацкую прогулку, поиграть в гольф с Говнюками Номер Один и Номер Два.

Ее ответ не заставил себя долго ждать — резкий и точно в цель.

— Потому что я по глупости своей понадеялась, что тебе знакома фраза: «Держи друзей близко, а врагов — еще ближе». Как глупо с моей стороны.

Я раздуваю ноздри.

— Я не просил!

Не просил об этом назначении. Не просил об этой безумной ответственности. Я никогда не хотел получить ключи от королевства — я был счастлив просто на своем месте.

Бабушка распрямляется и вскидывает голову, непоколебимая и непреклонная.

— Верно, не просил. Но и выбрала я тебя не в первую очередь.

Ох.

Казалось бы, удар в живот от пожилой семидесяти-восьмилетней дамы не может причинить большого вреда. Но если этот удар наносит женщина, которой я по-настоящему восхищаюсь, которая фактически заменила мне мать с десяти лет? Да, больно.

Поэтому я реагирую как обычно — откидываюсь на спинку стула, закидываю ногу на ногу, широко улыбаясь.

— Ну что ж, похоже мы в одной лодке, бабуля. Может, переименуем Дворец Весско... например, в «Титаник» или в «Гинденбург»?

Она не морщится, не моргает и, черт возьми, даже не улыбается. Взгляд ее блестящих серых глаз все такой же тяжелый, острый, как лезвие гильотины.

И такой же смертоносный.

— Тебе бы все шутки шутить. Но если этот закон будет принят, он отменит защиту низкооплачиваемых рабочих. Они будут уязвимы. Условия труда для них могут стать несправедливыми и, возможно, даже опасными. Как думаешь, тогда они будут смеяться над твоими шутками, Генри?

Черт, умеет же она! Комплекс вины, который прививают матери, уже само по себе эффективно, но комплекс вины, прививаемый королевой, — да-а, совсем другой уровень. Стираю с лица ухмылку.

— Я сделаю заявление, в котором изложу, что сэр Алоизий ввел меня в заблуждение и мои слова были вырваны из контекста.

Она качает головой.

— Это лишь подтвердит всему свету, что ты — дурак, которого легко ввести в заблуждение.

— Тогда я сделаю заявление, что как следует поразмыслил над всем этим и поменял мнение.

— В таком случае ты продемонстрируешь всему свету, что твоему слову нельзя доверять, что твои мнения изменчивы, а все твои слова — пустые.

Господи, похоже на китайскую ловушку для пальцев: чем сильнее пытаешься вырваться, тем крепче застреваешь. Я не курю, но сейчас не отказался бы от сигаретки. Или от бокала виски.

Пистолет тоже сойдет.

— И что мне, черт побери, делать?

— Ничего, — шипит она. — Я сама все исправлю. А ты отправишься в Гатри-Хаус и останешься там. Ни с кем не разговаривай, не развлекай гостей. Просто... читай, Генри. Учись ради всех нас.

Да, вот так королева и отправляет принца в его комнату подумать над своим поведением.

Она отворачивается к окну, сложив свои хрупкие морщинистые руки за спиной.

Я поднимаюсь, протягиваю к ней руку, собираясь сказать... ну хоть что-то. Извиниться. Пообещать, что стану лучше. Потом моя рука безвольно падает — слова уже не имеют значения, меня уже отослали.

* * *

Я решительно прохожу через двери Гатри-Хауса. Исторически Гатри-Хаус — дом наследника престола, так что это местечко стало моей резиденцией за последний год. Эдакий дом-тюрьма. Я поднимаюсь по

лестнице, перешагивая через ступеньки, в спальню. Как же хорошо видеть перед собой цель, направление, план.

А запланировано у меня — напиться до беспамятыства, пока собственное имя не забуду. И все титулы заодно.

Страницы, которыми увешаны стены, трепещут словно крылья птиц, когда я влетаю в комнату. Я не шутил, когда говорил, что бабушка прислала мне столько бумаги, что хватило бы на целый лес. Я расклеил документы по всей комнате, чтобы читать, пока одеваюсь, пока засыпаю и, первым делом, как просыпаюсь. Правда, когда хочется передернуть, приходится закрывать глаза — все-таки правительственные документы та еще нудятина и убивают всякое желание. Тайно я надеюсь, что удастся как-то впитать в себя информацию, просто находясь вблизи от нее. Пока не сработало, осмос¹ — чушь собачья.

Я сбрасываю темно-синий костюм — ужасно неудобная вещь и к тому же чертовски стесняет движения. Хотя мне и говорили, что он сидит на мне как влитой — все-таки не мой стиль. Каждый раз, когда надеваю его, такое чувство, словно влезаю в чужую шкуру.

Помню, когда мне было лет пять или шесть, я примерил один из папиных костюмов. Мама сделала с десяток фотографий, посмеиваясь над тем, какой я очарова-

---

¹ Осмос — самопроизвольный перенос растворителя через полупроницаемую мембрану, не пропускающую растворенное вещество и разделяющую два раствора одного и того же вещества с различными концентрациями, либо чистый растворитель и раствор.